

Предсказать политическое будущее невозможно

В Кракове на площади Всех Святых есть книжная лавка «Университетская». На стене фотография-портрет: излучающий доброжелательство Станислав Лем. Надписывает книгу. Марыся Бучиньска, что преподает русский язык в краковской Академии искусств, сказала мне: «Лем - со-весть Польши». А кто Лем для России? Любимый писатель двух поколений. Особенно популярен у технологической генерации, которой, по его шутливому признанию, в 60-е годы заменял всех: Камю, Сартра, Джойса, Кафку. Как некий суперрационалистский ересиарх-провидец. Его «Со-лярис» по-русски перевалил за двухмиллионный тираж, экранизирован Тарковским, а в наши дни - в собрании сочинений - опубликован без цензурных купюр. Главным в своей биографии Лем считает тяжкий духовный труд, все прочее - «житейские пустяки».

- Тогда газета была органом городских партийных властей.

- А теперь? - спросил Лем. И прочитал: - «Закрытое акционерное общество». Это удивительно. Никогда не думал, что доживу до этого времени. Чтобы развалить гитлеровскую Германию, потребовались усилия половины мира. Даже больше. И Советского Союза, и Соединенных Штатов, ну, всех. А вот СССР распался тихо, без посторонней помощи. Никто на него не набрасывался. Несколько месяцев назад мы гостили с женой в Австрии. В России шла избирательная кампания. Я купил себе русскую газету. Жена вернулась и услышала мой громкий смех. На последней странице был «краткий курс» истории: от Бориса Годунова до Бориса Ельцина. Какой-то остроумец написал: «Товарищ, верь, придет она, на водку старая цена». Вовек не рассчитывал, что такая издевка будет возможна.

- Я тоже не думал, что доживу до того, как «Реквием» Ахматовой напечатает в хрестоматии.

- Ко мне иногда приезжают журналисты, я бы сказал, из Ленинграда, а они говорят: из Санкт-Петербурга. Спрашиваю: вы уже привыкли? Ведь Ленинград существовал почти 70 лет. Говорят: да, привыкли. Чудеса! Повторяю: не ведал, что доживу до такой большой перемены.

- Почти все думали, что большевики вечны. Это испортило столько литературных произведений.

- Под нож пойдут гималаи книг, написанных в советское время. «Как закалялась сталь», «Счастье» Павленко...

- А ведь Павленко был человек не без способностей.

- Вы так думаете?

- Я читал его книжку «Стамбул и Турция», кажется, 30-го года.

- Еще хуже было на Украине. Знаю такого поэта: Павло Тычина. Тоже начинал прекрасно. В польском Львове учили украинский. Я читал его сборник «Солнечные кларнеты». А потом он написал: «Всех панив д'однои ямы буржуив за буржуями будэм, будэм бить».

- Это после того, как целые сутки, говорят, его били в киевском НКВД на улице Короленко. Он вышел другим человеком.

- Верю. Я узнал, что даже «первый конструктор» Королев отсидел свое. Инженеры, врачи... Кажется, лишь «обыкновенный тихий» народ избежал этой участи.

- Не избежал. При большом терроре косили вслепую.

- Нам, полякам, до конца этого не понять. Так называемый коммунизм в

Польше был несравненно легче, чем советский.

- Да уж... Кажется, Анджей Вайда заметил, что давление, какое испытывали художники в СССР, остальной мир не способен вообразить.

- В одной книге я прочел фразу, сказанную Мандельштамом: «Я и не знал, что мы были в лапах у гуманистов». Я читаю в русских толстых журналах материалы исторического характера. Сейчас тиражи резко упали. Мне особенно неприятно следить за падением тиража «Природы». Давний поклонник. Хороший научно-популярный журнал. Сначала было 80 тысяч, теперь 5 или 6. Мои произведения вышли в издательстве «Текст» в 12 томах. Начинали с 200 тысяч, том 10 опустился до 80. А дополнительные два тома до 20 тысяч. Говорят, тоже много. Теперь издателям нелегко продавать свои книги.

- С наукой дела совсем плохие.

- Да, знаю. Во-первых, нет денег, во-вторых, нет денег и в-третьих, нет денег. Американцы пишут в своих газетах, что Россия имеет большую прибыль от продажи вооружений, особенно на Восток.

- Куда идут эти деньги, мы не знаем. А читатели, когда получили свободу, хотят только love-story.

- Боюсь, что в Польше читают еще меньше. У нас Сорос пожертвовал немалые деньги на издание научной литературы. Не будь такого сумасшедшего миллиардера, культура пришла бы в полный упадок.

- На взгляд незаметно.

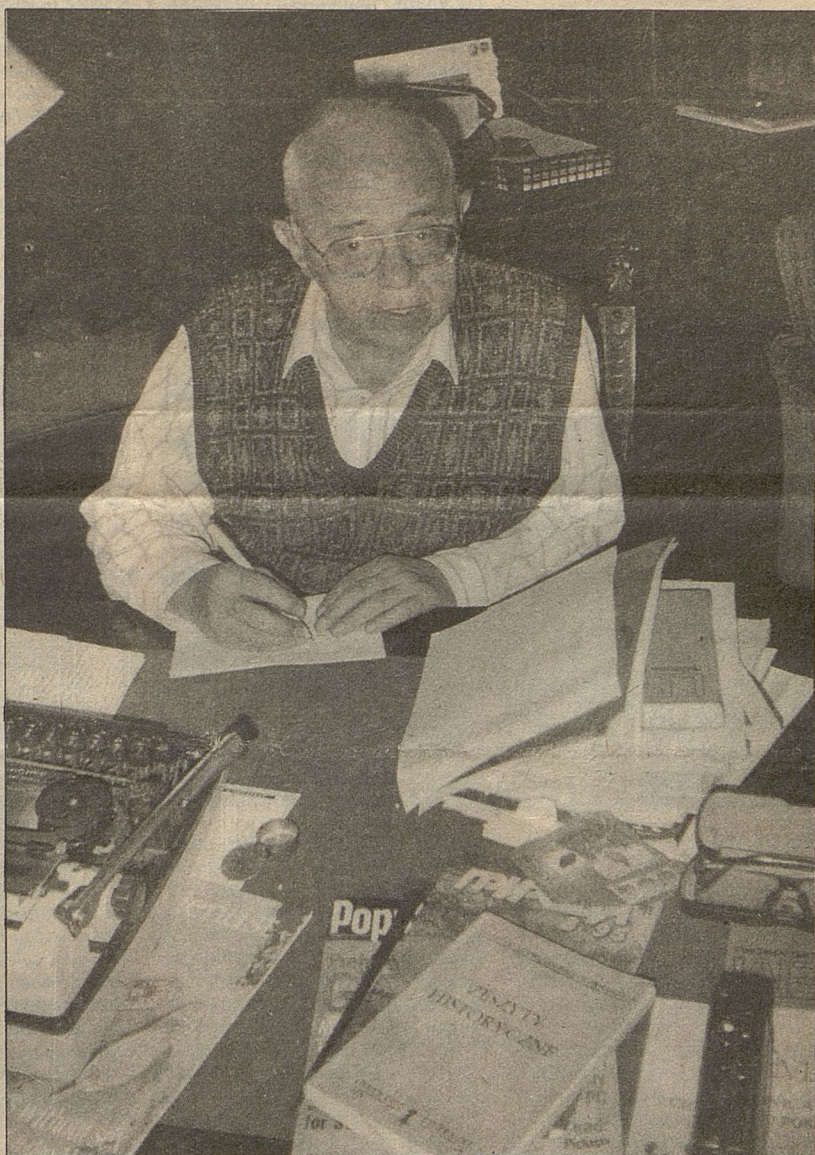
- Меня лично это не касается, потому что я со всего света получаю гонорары. Жить на то, что зарабатываю в Польше, немислимо. Это почти ничего... Издают лишь то, что стало обязательным чтением в школе. Да еще сказки... Павший режим был двоедушен, жесток, но, может, культуру все же имеет смысл по-прежнему поддерживать?

- У нас расцвели паранауки. Публика жаждет верить в духов. Студент Тимирязевской академии сказал мне, что Дарвин уста-

Лем родился 12 сентября 1921 года во Львове в семье врача. Ныне ему 75. С 1946 года живет в Кракове, исключая годы 1980 - 1988, проведенные на Западе: в Западной Берлине, в Вене.

Я ехал к нему под впечатлением только что прочитанного романа «Больница Преображения» (в томе 12, доп.) Лем написал его в 1947 - 1948 гг. Герой романа врач Стефан становится свидетелем того, как немецкие фашисты с помощью палачей-украинцев убивают пациентов психиатрички.

Не скрою: готовился к беседе. Обдумал глобальные вопросы. Но разговор потек прихотливо. Таким его и предлагаю читателям. Это второе интервью, которое Лем дает «Московской правде»: первое опубликовано 22 октября 1965 года. Я напомнил:

Станислав Лем. Краков, 27 августа 1996 г. Фото автора.

рел. Вместе со своей теорией эволюции.

- Дарвин в некотором роде классик. Он сделал первые шаги... Как родилась жизнь, мы уже знаем больше, чем знал Дарвин. Есть ли жизнь на Марсе, есть ли жизнь на Марсе...

- Лем в новое время издан у нас полно и честно, как следует. Я люблю Лема, но еще больше люблю его мой сын, математик-программист. С Лемом прошло его отрочество. Писатель Бакалов посетовал: «Боюсь, что в литературных пристрастиях нынешних молодых людей Станислав Лем потеснил Льва Толстого.

Если это так - очень печально». Это и про моего сына. Правда, считаю противопоставление надуманным: для меня Лем, даже когда развлекает, - не развлекательная литература. А сын, глядя на список романов, включенных в собрание, заметил: отсутствует «Голос неба». Я вчитался в список и понял...

- ... что это «Голос Господа»! В коммунистический период в России делали что хотели: меняли названия книг, выбрасывали размышления о мироустройстве, требовали поправок.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 6-Й СТР.

Предсказать политическое будущее невозможно

ЭКСКЛЮЗИВ

НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

- «Больница Преображения» ныне вышла впервые.

- Это мой первый роман. В свое время я ждал 8 лет, чтоб увидеть его опубликованным на родном языке.

- За событиями и персонажами стоят подлинные факты, люди? Кто прототип противоречивого Секуловского, поэта и философа?

- Польская критика внушала мне, что это наш постромантик Виткаци. Если даже вышло так, то как бы само собой. Все прочее также. Я никогда не был в подобной больнице - ни как врач, ни как сумасшедший. Все персонажи - плоды моего воображения. У писателя в некотором смысле происходит так, как у женщины, что рождает ребенка. Она не знает, кто родится: мальчик или девочка. Вообще ничего не знает. Это дитя моего ума, но оно вышло таким бессознательно. Ясно только, что родилось после немецкой оккупации...

- Когда происходит действие?

- Зимой сорокового года. После поражения Польши от немцев. Но я не придерживаюсь точного календаря.

- Мысли Секуловского, хотя автору и не близок его крайний индивидуализм, отчасти являются вашими мыслями?

- Возможно. Мыслями того человека, каким я был больше чем 40 лет назад. Не сегодняшнего, а тогдашнего Лема. Человек сильно меняется со временем. Сегодня я не смог бы написать этот роман.

- Тем не менее сказанное про пигмеев, загнанных в казармы, эру консервированной музыки и касок, из-под которых невозможно смотреть на звезды, сомнения в целесообразности и привлекательности всеобщего равенства, так как «беда способна выжить из человека нечто более ценное, чем лощеная пресыщенность», близки сегодня русскому интеллигенту, разочарованному тупиковым Октябрем и послеоктябрьской тиранией.

- Не смею утверждать, что был способен предвидеть то, что случилось.

- Когда-то мы читали классиков марксизма из-под палки. Но однажды я наткнулся на

позднее письмо Энгельса, опровергавшее пошлую теорию социального прогресса. История делается таким образом, что результат получается от столкновения множества отдельных волей. То, чего хочет один, встречает противодействие другого. Силы перекрещиваются, составляют параллелограмм сил и действуют вместе - уже бессознательно и безвольно. И в итоге получается нечто такое, чего никто не хотел. Это и есть историческое событие. А вся история движется неизвестно куда подобно природному процессу. Она подчиняется только законам движения. Помню, такие тексты запрещалось приводить. Ловко и раз навсегда придуманное обвинение звучало: цитатой из классиков марксизма подтверждаете немарксистские положения.

- Я изучал марксизм в медицинском институте во Львове. Это было, когда Красная Армия, наша сила, пришла и туда. Мне было 17 лет. Отец меня ткнул в медицинский.

- Против воли?

- Я понимал, что это необходимо. В Политехнический, куда сдавал, меня не приняли, как буржуйского сына. Не стань я студентом, пошел бы в армию. Мог оказаться в Сибири или еще черт знает где... Чего никто не хотел, получается еще оттого, что с одними явлениями мы не в состоянии совладать, а другие - побочный продукт нашей социальной деятельности.

- Если история - природный процесс, можно ли предвидеть будущее?

- Предсказать политическое будущее абсолютно невозможно. Кто предвидел распад СССР? Какой мировой пророк?

- А почему это произошло?

- Мне кажется, лопнул экономический хребет государства. Гонка вооружений в соперничестве с Соединенными Штатами оказалась не под силу СССР. Президент Рейган замыслил подготовку к «звездным войнам» (между прочим, Лем одним из первых ярко фантазировал на тему «звездных войн» в «Голосе Господа», но советская цензура удалила эти фрагменты. - В.П.). Американские ученые убедительно втолковали Рейгану: сие невозможно.

Почти единственным, кто всерьез поверил в «звездную войну», было советское политбюро. Жали на советских ученых, чтоб противостояли. Утопия, высосавшая все ресурсы... Мне-то казалось, что распад советской экономики начнется в первой четверти XXI столетия. Я тогда отсиживался в Вене, пробовал представить будущее, но не имел отваги напечатать это даже в польской эмигрантской прессе. Какую часть валового бруттопродукта, или всего национального дохода, вкладывали в гонку вооружений? Не 12, не 13 процентов, как писали, а почти 25. И поэтому... То была не единственная причина, но одна из главных, очень важная. А потом... Китайские коммунисты, наблюдая за событиями, поняли: самое ужасное нововведение «перевертыша» Горбачева - гласность. От гласности все и распалось. Потому что стало возможным сказать разрушительную правду. Я знаю толк в некоторых науках. Когда произошло несчастье в Чернобыле, Томаш, мой сын, учился в американской школе. С ним вместе учился некий юный англичанин. У него был отец, тоже англичанин, конечно. Он работал в Международной комиссии по атомной энергии. Советские представители увезли его, он облетел на вертолете Чернобыль, вернулся в Вену и изрек: людские потери - шестеро. Мне это показалось наваждением. Я понимал, что радиоактивность вокруг Чернобыля не улетучится еще сто лет. Под псевдонимом я написал в парижскую «Культуру» (польская эмигрантская газета. - В.П.), что жертвами станут сотни. Мои статьи под названием «Чернобыльские тучи» печатались в нескольких номерах, с продолжением. Когда мы возвращались в Народную Республику Польшу, была еще народная республика, я вынужден был номера эмигрантских газет оставить в Вене. Я, конечно же, не знал точного количества жертв, но понял неочевидную обширность катастрофы. И она стала одним из толчков распада. Участвовала, как вы сказали, в параллелограмме сил.

- У нас еще говорится, что роковую роль сыграла борьба нынешнего президента за кресло.

- Что ж, может быть. Знаете, мне импонировала смелость Ель-

цина. Ленин влез на броневик, Ельцин на танк. А общая картина...

- ... сложная?

- Даже слишком. И вчера было сложно, и сегодня. И вот что поразительно. Весной этого года в США многих занимало, сможет ли Ельцин переиграть Зюганова. А в Польше почти никого.

- Не опасались наших новейших левых?

- Не в том дело. Все эмоции поглощает внутренняя борьба, я бы сказал, идиотская борьба. Боксеры на ринге, пока идет поединок, не смотрят на то, что творится в зале. Польское отсутствие интереса к России - во-первых, глупость. Во-вторых, глупость. И в-третьих, глупость.

- В «Больнице Преображения» говорится, что шизофрения сопровождается цветными галлюцинациями. Когда больной выздоравливает, галлюцинации проходят. У выздоравливающих возникает тоска по ушедшему безумию. Это отличная метафора...

- Это не метафора, так бывает в действительности.

- ... метафора оппозиционных умонастроений в посткоммунистической России.

- Западная пресса удивляется, что русские не слишком активно переживают, что творится, скажем, в Чечне. Возможно, им было бы приятней, если б Чечня наконец отделилась к чертовой матери, хотя, на мой взгляд, она не в состоянии существовать отдельно. Но то, что это не уляжется, до сих пор не улеглось, результат не желаний общества, а политической борьбы в Кремле: Лебедь... Куликов... Ельцин держится как-то в стороне... Впрочем, я лично ничего про это не знаю, питаюсь сообщениями прессы.

- Понимаю...

- Я всегда остро переживал события в России. Когда Ельцин послал танки на штурм парламента, всю ночь провел у телевизора. У Си-эн-эн был пункт обзора напротив Белого дома, все шло live (вживую). - В.П.). Ельцин действовал решительно. Сейчас он болен и сильно колеблется. Ах, Бог знает, что будет. Если уж специалисты от политологии не ведут исходя, что ж говорить обо мне.

Владимир ПРИХОДЬКО.
ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.